нение» переводится как *Verfremdung*, т.е. является однокоренным с *fremd* — «чужой» — и с *Entfremdung* — «отчуждение», — есть ли такая связь в русском языке, и мне пришлось вспоминать тот общеизвестный у нас эпизод, что изначально это слово было написано у Шкловского как «остраннение», и в русском, пусть и не так прямо, отсылает с «страннику» и «чужестранцу», а потому немецкий перевод вполне хорош и выстроенные на связи чуждости, остранения и отчуждения ходы мысли, по меньшей мере лингвистически, не висят в воздухе.

Вспоминая Вальденфельса, я почему-то всегда начинаю улыбаться. Что-то было в его всклокоченности, иронии и проницательности — он был одним из самых тонко чувствующих и мыслящих людей, которых мне довелось знать, — что делало мир сложнее и ближе, что делало мир лучше. Причина этого, мне думается, в том, что ему было дело до людей.

Известно, что как исследователь-феноменолог и как профессор философии большую часть жизни Вальденфельс работал в университете города Бохума. Этот университет и его студенты, и профессора, и не принадлежащие академической среде немцы часто называют *Rote-Ruhr-Universität-Bochum* («красный университет Бохума»). Это неслучайно. Этот университет — в противоположность «розовому» Вупперталю и «коричневому» Дуйсбург-Эссену — действительно является красной цитаделью в академической, культурной и политической жизни на Западе Германии. Нет сомнений, что Вальденфельс участвовал в ее возведении. Он не только значимая часть феноменологического движения, но и часть движения освободительного. Теперь уже часть их истории. Но история имеет силу.

Николай Нахшунов
(Новое литературное обозрение)

Чужому больно

Встречей с Бернхардом Вальденфельсом я обязан Татьяне Вайзер, познакомившей меня с респонзивной феноменологией, ее применимостью к эмпирическому материалу (в частности, российской публичной сфере) и некоторыми англо- и русскоязычными рецепциями, которые впоследствии послужили опорой для методологии моей магистерской диссертации в Шанинке. Позже, в 2023 году, по приглашению Татьяны я принял участие в летней школе «Борьба за внимание в публичной сфере. Перспектива критической феноменологии» в Дрезденском университете[9]. Среди приглашенных преподавателей был и профессор Вальденфельс. Мои реминисценции преимущественно будут посвя-

9 Международная летняя школа «Борьба за внимание в публичной сфере. Перспектива критической феноменологии» // Новое литературное обозрение. 2024. 187 (3). С. 417–428.

щены тем дням, которые мы провели с ним в философском диалоге и дружеском общении одним летом в Дрездене.

Я заметил его еще до начала официальной части, когда только приехал в город и направлялся от вокзала к гостинице. Он в одиночестве прогуливался по магазинам на Прагер-штрассе, с тростью, в очень простой одежде. Мне пришлось всматриваться, действительно ли этот тот самый Бернхард Вальденфельс, живой классик, которого называют наиболее влиятельным немецким философом-феноменологом со времен Мартина Хайдеггера[10] и чей портрет мне приходилось видеть в низком качестве в Интернете либо на задней стороне «Мотива чужого» — его единственной книги, переведенной на русский язык. Но то, что выделяло Вальденфельса среди остальных прохожих, — он был как будто не отсюда, из другого места. В отличие от туристов он не стремился «поглотить» окружающее его пространство, напротив, он аккуратно и заинтересованно ходил между витринами, осматривался, его выражение лица будто бы фиксировало восприятие городской полифонии, иностранной речи, эклектичной архитектуры и скудной флоры дрезденского центра. На этом моменте я бы сделал небольшое отступление в теорию.

Феноменология чужого, которой занимался Вальденфельс, — это философская теория и практика, избегающая нахождения где-либо *как дома*, то есть одомашнивания и присвоения. Она продолжает сократовский путь а-топоса, странного и не имеющего места (ср. «Чуждость означает, что нечто или некто никогда полностью не находятся на своем месте»[11]). Среди представителей этой феноменологической традиции, на которых опирается Вальденфельс, — прежде всего, Эдмунд Гуссерль, Морис Мерло-Понти, Эммануэль Левинас, Жак Деррида и не в последнюю очередь Мартин Хайдеггер — однако мне бы хотелось обратить внимание на более широкую перспективу, а именно на то усилие первооткрывателя, которое предпринимает Вальденфельс, внедряя в феноменологию нефеноменологическую, а для кого-то и «антифеноменологическую» мысль, в частности, психоаналитическую философию, преимущественно французскую, и генеалогию нормативных порядков Мишеля Фуко. Так, к первой отсылает название моего текста: Зигмунд Фрейд в статье «Ребенка бьют» (1919) указывает на то, что фантазм насилия (над чужим; в случае Фрейда — «другим ребенком») предшествует взрослению, то есть превращению ребенка в полноценного субъекта. Чужое, по Вальденфельсу, — это нечто предшествующее субъекту, вытесняемое сознанием и в определенных ситуациях «выбиваемое» из него (свой явный след здесь оставило вдохновение размышлениями Жака Лакана о *das Ding* и Реальном), то, к чему мы одновременно стремимся и от чего отворачиваемся, отталкиваем от себя. Сущность чужого состоит в «подтверждаемой доступности оригинально недоступного», писал основоположник феноменологии Эдмунд Гуссерль[12], первый том которого Вальденфельс приобрел в Париже, что является показательным с точки зрения влияния на Вальденфельса французской рецепции. При этом чужое — не

10 *Bedorf T.* Bernhard Waldenfels. Responsive Phenomenology of the Political // The Routledge Handbook of Political Phenomenology / Eds. Steffen Herrmann, Gerhard Thonhauser, Sophie Loidolt, Tobias Matzner, and Nils Baratella. New York; Oxon: Routledge, 2024. P. 269.

11 *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. С. 127.

12 Цит. по *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. С. 126.

онтологическая категория, но феноменологический стиль, отклонение в сторону дикого (в том смысле, которое в него вкладывает Мерло-Понти), *troublant* (фр. беспокоящего) относительно ситуации модерного человека, что находится вне и до любой рациональности и нормативности. И здесь обнаруживается второй теоретический союзник Вальденфельса — Мишель Фуко, — о значении которого для феноменологической философии и для себя в частности герр профессор говорил не раз[13]. Чужое является чужим не само по себе, но относительно нормы, которая, начиная с Нового времени, обретает ограниченный и ограничивающий характер. Для этого Вальденфельс направляется к пределам (экстремумам) и пороговым состояниям нормативных порядков, в которых и проступает чужое как феномен особого рода, «не подчиняющийся так просто логосу феноменов»[14] (Вальденфельс часто называл свою феноменологию радикальной и экстремистской в философском смысле[15]). Многие современные феноменологи, продолжающие фуколдианскую революцию в «строгой науке» и расширяющие ее с критических и политических позиций[16], обязаны Вальденфельсу тем, что он одним из первых пришел к выводу об обусловленности сознания контингентной природой норм и противостоянии гомогенности и гетерогенности в рамках множественных порядков нововременной рациональности.

В Дрездене я был единственным студентом, знакомым с Вальденфельсом до летней школы (пусть и заочно) и только подступающим к феноменологии. Подобно Алкивиаду, многого не знающему и часто ошибающемуся, но стремящемуся к знаниям, я повсюду сопровождал профессора, а он, видя мое упорство, был рад рассказать мне о своих годах учебы в Париже, о мэтрах феноменологии, Мерло-Понти и Левинасе, — о втором больше, поскольку Мерло-Понти скончался в 1961 году (Вальденфельс приезжает во Францию в 1960-м), но, несмотря на это, своим учителем Вальденфельс называл именно его, хотя им так и не суждено было познакомиться лично. Позже я понял, что отношение Вальденфельса ко мне было не снисходительным, что он подсаживался ко мне за столик в кафетерии не потому, что не было других свободных мест, — ему было искренне интересно, каково быть студентом в России, заниматься философией и, в особенности, феноменологией, каких авторов сегодня читают в стране Достоевского и Толстого. А для Вальденфельса Россия — это страна Достоевского и Толстого, не просто писателей, но выдающихся мыслителей ненасилия. Тогда я пытался объяснить профессору, что дела обстоят не так просто, как это может казаться из Германии (и читаться в переводе на немецкий язык), что и

13 См., например, раздел, посвященный Мишелю Фуко (S. 198–225), в *Waldenfels B.* Deutsch-Französische Gedankengänge (Berlin: Suhrkamp, 1995) или главу «Позитивность исторических порядков и дискурсов (М. Фуко)» (S. 513–535) в *Waldenfels B.* Phänomenologie in Frankreich. Berlin: Suhrkamp, 1983.

14 *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. С. 125.

15 См., например, *Вальденфельс Б.* Внимание как ответ чужому. Внимание в перспективе респонзивной феноменологии // Новое литературное обозрение. 2026. 197 (1). С. 31–42.

16 Я отсылаю в первую очередь к двум знаковым сборникам, которые вышли в последние годы: 50 Concepts for a Critical Phenomenology / Eds. Gail Weiss, Ann V. Murphy, and Gayle Salamon. Evanston: Northwestern University Press, 2020; The Routledge Handbook of Political Phenomenology / Eds. Steffen Herrmann, Gerhard Thonhauser, Sophie Loidolt, Tobias Matzner, Nils Baratella. New York; Oxon: Routledge, 2024.

Достоевский, и Толстой использовались и используются для оправдания русского национализма, да и их собственные взгляды, если отвлечься от закрепленных в культуре (и философии) моралистических образов и обратиться к биографиям обоих авторов, были отнюдь не миролюбивыми и открытыми к чужому. Но для Вальденфельса все это значило нечто иное. Как внимательному читателю Михаила Бахтина (ему Вальденфельс обязан респонзивной феноменологией, поскольку понятие «респонзивности» отсылает к теории «ответности», изложенной Бахтиным на страницах «Слова в романе», в определении своей феноменологии как респонзивной Вальденфельс хотел передать в том числе и бахтинский смысл, о чем профессор рассказал мне лично), Вальденфельсу было известно, что «всякое слово направлено на ответ»[17], что означает происхождение речи извне, начало мышления в момент встречи с чужим словом. Достоевский и Толстой могут служить не лучшими примерами для подражания (и стоит ли вообще искать такие примеры?), но тонкость их экзистенциального чутья не оставляет возможности, кроме как вызвать ответные чувства, возмущение, несогласие и в конечном итоге действие. Я почему-то не стал говорить Вальденфельсу, что тогда в России в рамках пересмотра школьной программы из списков обязательного чтения начали убирать произведения Достоевского и Толстого, но, вероятно, философский аргумент немецкого феноменолога прекрасно объясняет причину подобных действий.

После летней школы мы с Бернхадом Вальденфельсом продолжили общаться по переписке. Я часто советовался с ним по вопросам применения феноменологического метода, сверял корректность своих умозаключений на пересечении феноменологии и критических теорий, обсуждал переводы его текстов на русский язык, которые мне посчастливилось редактировать, он называл меня продолжателем начатой им респонзивной традиции.

Но больше всего мне запомнился один день в Дрездене. Если не ошибаюсь, это был последний день школы. Мы с профессором вышли из отеля и направились к трамвайной остановке на Санкт-Петербургер-штрассе. По дороге он спросил меня о планах на день. Я ответил ему, что пока еще не определился, но хотел бы увидеть Рафаэлеву Мадонну, которая хранится в Галерее старых мастеров. На этом моменте Вальденфельс переключился на немецкий (наше живое общение было преимущественно на английском), как он это делал уже несколько раз. Я лишь понял, что речь шла о Мадонне, затем, когда мы подъезжали к Альбертинуму, начался рассказ о музеях и галереях Дрездена, а на Дворцовой площади Вальденфельс начал делиться историей своей семьи, силезского рода Косаковски, связанного с Саксонией. Я очень жалею, что недостаточное знание языка помешало мне ближе узнать человека, которому я во многом обязан своим пониманием феноменологии, исследовательской традиции, к которой я принадлежу, но маршрут нашего небольшого путешествия помогал восполнить некоторые пропуски — мне удавалось прослеживать, как новые места, в которых мы оказывались, приводили Вальденфельса к новым темам и мыслям, то, что для него было воспоминаниями, навеянными стенами старого немецкого города, для меня становилось открытиями, сопровождающимися искренним удивлением от, казалось бы, невероятных совпадений. Но

17 *Бахтин М.* Слово в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 93.

главное совпадение только предстояло. В какой-то момент мы разошлись, и я все-таки решился дойти до Галереи старых мастеров. Добравшись до зала, я увидел перед собой картину, которая у меня сейчас как будто перед глазами. Но это не Мадонна (которую, по правде говоря, мне было интересно увидеть из чистого любопытства), но философ, замерший перед возвышенным и возвышающимся над ним образом.

Дело в том, что в респонзивной феноменологии особое место занимает патос — чувственное раздражение, которое предшествует любому восприятию. Такой «патической» феноменологии посвящены поздние работы Вальденфельса. Патос в переводе с древнегреческого дословно означает страдание, претерпевание чего-либо, сопряженное с болью. Эта боль не принадлежит мне в строгом смысле, но передается мне от чужого и ощущается при встрече с чуждостью внутри меня самого. Чужому больно — оттого, что его «бьют», вытесняют на периферию, стремятся уменьшить его значимость среди других или вовсе стереть его имя, удалить его из порядка общей жизни. Быть чужим больно — поскольку его образ жизни обозначается порядком как патологический, его способ чувствования — как неуместный. Именно это особое чувствование, близкое к левинасовскому ощущению собственной уязвимости, оказывается на пути к грядущему (*arrivant*). В понятии патоса Вальденфельса привлекала определенная пассивность, когда не я направляю свои мысли и чувства на нечто (в соответствии с интенциональной логикой, свойственной классической феноменологии), но нечто (чужое) чувствует (через) меня, наполняет меня чувством самой жизни. В той Галерее я увидел перед собой философа, который был охвачен чем-то радикально странным и необъяснимым, подобно Сократу в дельфийском храме или старцу перед явлением Девы, чье внимание уже не принадлежало этому миру, которого могли бы назвать по общепринятым меркам слишком впечатлительным или наивным, похожим на ребенка. Тогда Вальденфельс показал на своем примере, что позволить чужому «коснуться» или даже «обнять» себя, разделить свое претерпевание (или боль) — значит вывести феноменологическую редукцию на совершенно новый уровень, я бы сказал, уровень чувственного (в смысле аффективного) восприятия и даже аскезы, преодоления собственной самости.

Закончить реминисценции традиционно («Светлой памяти!») представляется странным, поскольку на протяжении всей жизни Вальденфельса интересовал не свет, а то, что остается в полусвете, или сумерках (одна из его основных работ носит название «Порядок в сумерках» (нем. «Ordnung im Zwielicht»)). Мы были современниками Вальденфельса, а значит, это большая удача, что нам только предстоит открыть его как одного из главных мыслителей XX и XXI веков, чей вклад еще не раз скажется на интеллектуальной жизни нынешних и будущих поколений, и продолжить его творческое развитие феноменологии с призывом: «Вперед, к чужому!»